

"Одиннадцатый, о чем задумался? У тебя такое странное выражение лица."

Фу Ван, которого спросил Ли Чжао, внезапно вышел из своих беспредельных фантазий, на его лице все еще сохранялась отрешенность от глубоких раздумий. Глядя на двух человек перед собой, он выпалил первую пришедшую в голову мысль:

"Я размышлял, что если старший брат будет гулять на стороне и его выгонят из дома старшей сестрой-невесткой, как мне помочь ему сохранить лицо?"

Ли Чжао: "...Эээ?" Он не сразу понял, но когда осознал смысл слов, его лицо заметно изменилось: "ЧТО?!"

Ему следовало сначала опровергнуть, что он не будет изменять, или сначала возразить против обращения "старшая сестра-невестка"?

Быстро взглянув на находящегося рядом Мин Чжэня, в его взгляде читалась невинность "это не я его научил", затем повернулся к Фу Вану и спросил: "Кто такая старшая сестра-невестка?"

Фу Ван махнул рукой в сторону Мин Чжэня, с наивным тоном говоря "разве это не очевидно": "Молодой господин Мин."

После этих слов воздух, казалось, застыл на мгновение.

Услышав это, Мин Чжэнь неторопливо посмотрел на Ли Чжао, едва заметно приподняв бровь, его взгляд безмолвно, но явно спрашивал: это ты его научил?

Получив сигнал, Ли Чжао поспешно замахал руками, демонстрируя искреннее желание дистанцироваться: "Не я, точно не я!"

Мин Чжэнь отвел взгляд, его лицо оставалось спокойным, лишь уголки губ слегка приподнялись. Он посмотрел на Фу Вана, который даже не осознал, что натворил, и мирно ответил: "Интересная мысль."

Как только прозвучали слова "интересная", Фу Ван полностью пришел в себя. Он осознал, что только что сказал что-то "непростительное".

"Ой!" - воскликнул он, легонько хлопнув себя по рту, на его лице появилась смущенная и угодливая улыбка: "Простите, простите! Мой рот без охраны! Это была шутка, просто шутка!"

Говоря это, он уже начал потихоньку отступать: "Эээ... молодой господин Мин, старший брат, продолжайте ваш разговор! Я внезапно почувствовал страшный голод, пойду проверю, как там с едой на кухне! Немедленно, прямо сейчас!"

Заметив пробегающего мимо коридора слугу, он схватился за него как за спасательный круг и поспешно крикнул: "Эй! Ты! Быстро, проводи меня на кухню!"

Едва слова покинули его уста, как он, схватив слугу, улизнул, словно намыленный, оставив после себя лишь голос, доносящийся из-за угла: "Старший брат! До встречи!"

В мгновение ока в ранее оживленной гостиной остались только Ли Чжао и Мин Чжэнь, а также проблемы, оставленные Фу Ваном.

Ли Чжао смотрел на невозмутимого Мин Чжэня, который явно ждал объяснений, прочистил горло и попытался исправить ситуацию: "Кхм... эээ, мне действительно нужно объяснить - это обращение точно, абсолютно не я его научил. Этот парень слишком много фантазирует."

Мин Чжэнь, выслушав это, не стал комментировать, его взгляд скользил по лицу Ли Чжао, он улыбнулся и спросил: "Всего лишь обращение... Почему ты так нервничаешь, А Чжао?"

Ли Чжао запнулся. Как он может переворачивать все с ног на голову? Раньше он же сам взглядом спрашивал!

"Я не нервничаю," - самоуверенно заявил он: "Я просто констатирую факты и даю объяснения."

"Правда?" Мин Чжэнь сделал шаг вперед, оказавшись ближе, "Или, может быть... кто-то втайне думал об этом, и Фу Ван случайно проговорился?"

Взгляд Ли Чжао начал непроизвольно блуждать, пытаясь избежать этого взгляда: "Это твои домыслы, у них нет оснований."

"Нет оснований?" - Мин Чжэнь, казалось, только и ждал этих слов, не спеша достал из рукава аккуратно сложенный лист бумаги.

Это была привычная для Ли Чжао рисовая бумага, края были немного неровными, словно вытащенные из кучи черновиков, на ней виднелись несколько заметных чернильных пятен - явно результат рассеянности писавшего.

"А это что?" - Мин Чжэнь медленно развернул лист перед Ли Чжао.

У Ли Чжао была привычка практиковаться в каллиграфии не по учебникам, а записывая то, что приходило в голову. Когда хотел есть - писал названия блюд, когда было скучно - записывал путевые заметки, когда был раздражен - возможно, рисовал каракули. Поэтому, глядя на этот лист, покрытый чернильными пятнами, он действительно не мог его вспомнить. Но это должно быть что-то недавнее.

Надпись постепенно стала четче. На бумаге, помимо нескольких размазанных чернильных пятен, четко виднелись:

Царская наложница?

Царский муж?

Дальше следовало множество повторяющихся, написанных то аккуратно, то небрежно вариантов "Мин Чжэнь".

Ли Чжао: "..."

Мин Чжэнь знал об этой привычке. Раньше он часто мог точно определить настроение или потребности Ли Чжао по этим случайным черновикам.

Сначала Ли Чжао делал это бессознательно, потом, осознав это, иногда специально писал "плохие мысли", чтобы подразнить других, а Мин Чжэнь обычно предпочитал делать вид, что не замечает, позволяя ему веселиться.

Позже Ли Чжао постепенно избавился от этой привычки, и даже если иногда его тянуло что-то написать, он помнил уничтожить записи.

Сегодняшняя... явно просочилась.

При таких веских доказательствах отрицать было невозможно. Ли Чжао смотрел на надписи, чувствуя, как к его ушам медленно поднимается легкий румянец.

Воспоминания тоже прояснились - теперь он вспомнил. Это было вечером праздника Юаньсяо, после того как все дела были улажены, его мысли были беспокойны, и он, поддавшись порыву, взял кисть. Тогда он думал, как бы официально обратиться к Мин Чжэню, если они когда-нибудь смогут пожениться?

По императорским обычаям, конечно, следовало бы называть "наложницей". Но эти два слова, применительно к Мин Чжэню, всегда казались легкомысленными и неуклюжими. В частной шутке это еще можно было принять, но если использовать в государственных делах, кто-то мог бы из-за одного этого обращения начать относиться к Мин Чжэню с пренебрежением. Этого он не хотел видеть и не мог допустить.

Может быть, лучше называть "царским мужем"? Или быть более властным и использовать только официальный титул? Конечно, эти планы были преждевременными.

Вернувшись к реальности и встретив насмешливый вопрос Мин Чжэня, Ли Чжао собрался с духом и решил использовать обходной маневр. Самоуверенно заявил: "Ты несправедливо ко

мне относишься. Мои мысли - это одно, а обучение Одиннадцатого произносить странные обращения - совсем другое дело."

"О? Не одно и то же?" - Мин Чжэнь неторопливо покачал лист бумаги в руках, чернила колыхались в свете, уголки его губ изогнулись в более широкой улыбке, "А как тогда объяснить эти мысли, записанные на бумаге?"

Уловив момент, Ли Чжао быстро выхватил "вещественное доказательство" обратно, приняв важный вид принца: "Хм, это личная жизнь. Даже несмотря на наши теперешние особые отношения, молодой господин Мин, как ты можешь без разрешения читать мой 'дневник'?"

Слово "дневник" было его любимым щитом. Для этого он однажды специально объяснил Мин Чжэню, что такое дневник, подчеркнув его приватность и недопустимость чтения другими.

Услышав это, Мин Чжэнь не только не рассердился, но и, подражая его обычному поведению, слегка наклонил голову, изобразив правильную степень недоумения, и невинно спросил: "Но разве владелец этого 'дневника' не оставил его так небрежно на столе в кабинете с еще свежими чернилами? Я подумал... может быть, владелец снова хочет поиграть со мной в игру угадай-мысли?"

Его глаза заблестели, он нарочито протянул: "Правда... нельзя смотреть?"

Эта тактика отступления в сочетании с его обычно ясным голосом, искусственно смягченным тоном, была крайне эффективной.

Ли Чжао почувствовал, как сердце екнуло, его боевой дух, словно снег под солнцем, быстро растаял. Он сник, опустив плечи, и сдался: "...Ладно, я признаю поражение."

Его пальцы машинально теребили слегка помятый лист, будто он мог коснуться тех волнующих мыслей той ночи, "Я признаю, что действительно размышлял о вопросах обращения... но только думал, ни в коем случае не учил Одиннадцатого таким шуткам."

"Какое обращение?" - в глазах Мин Чжэня появился понимающий блеск, словно он уже давно знал ответ, но все равно хотел услышать это из его уст.

"Ты прекрасно знаешь." - Ли Чжао бросил на него взгляд, тихо пробормотав с ноткой упрека за текущее "извращенное чувство юмора".

"Знаю что?" - Мин Чжэнь продолжил допытываться, уголки его губ оставались приподнятыми.

Ли Чжао хитро прищурился: "Я думаю вот о чем - если мы когда-нибудь поженимся, как мне тебя называть? Следовать традиции и называть 'наложницей'? Или... 'царским мужем'? Или 'господин Мин'? Какой вариант тебе больше нравится?"

Его глаза блестели, словно он бросил вызов или проверял реакцию.

Хех, попробуй угадать, подумал он.

"Пожениться?" - повторил Мин Чжэнь эти два слова, улыбка распространилась от его глаз на все лицо, голос стал мягче: "Ты думаешь так далеко вперед?"

"А что?" - Ли Чжао вскинул брови, изображая преувеличенное удивление, даже притворно вытер несуществующие слезы: "Не говори мне, что ты никогда не думал о том, чтобы жениться на мне? Мы ведь уже договорились про восьминосилочный паланкин!"

Он изобразил обиженный тон: "Говорят, любовь без намерения вступить в брак - это просто игра с чувствами людей! Как жаль мою преданную любовь... оказывается, она была напрасной?"

Мин Чжэнь, глядя на него, не знал, плакать или смеяться, его прежнее уверенное состояние "следователя" моментально испарилось, он только покачал головой.

Ситуация перевернулась. Он мысленно вздохнул.

Прежде чем он успел сказать "будь серьезнее", их прервал внезапный, полный недоумения голос:

"Кто? Кто играет с чьими чувствами? Что напрасно?"

Голос Фу Вана раздался из коридора, полный любопытства.

Тело Ли Чжао мгновенно окаменело, его нарочито скорбное выражение исчезло без следа, и в мгновение ока он вернулся к образу серьезного старшего брата.

Он быстро выпрямился, поправил рукава и повернулся к вернувшемуся незаметно брату: "Как ты так быстро вернулся?"

Фу Ван был озадачен этим вопросом и почесал затылок: "А? Я... разве не должен был вернуться?"

Он чувствовал, что, кажется, пропустил что-то важное.

Фу Ван, держа две тарелки только что приготовленных закусок, стоял в дверях: "Я только дошел до кухни и встретил слуг, несущих закуски, вот и принес их... О чем вы говорили? Кто с чьими чувствами играл?" - его лицо выражало желание узнать сплетни.

Ли Чжао быстро нашелся: "Ничего особенного, обсуждали сцену из недавно прочитанной пьесы. Такой банальный сюжет, вызывает сожаление."

"Пьеса?" - Фу Ван явно не поверил и поставил тарелки на стол: "Молодой господин Мин тоже читает такие... романтические пьесы?"

Мин Чжэнь спокойно взял чашку с чаем и сказал: "Иногда знакомлюсь с ними, чтобы понять человеческие чувства. У Фу Вана есть какие-то сомнения?"

"Нет..." - Фу Ван чувствовал, что что-то не так. Выражение лица старшего брата, хотя и мелькнуло всего на мгновение, казалось отличным от того, что он обычно видел при обсуждении пьес? Но что именно было другим, он не мог понять.

Ли Чжао вовремя перевел тему, указывая на две тарелки закусок: "Это новое блюдо? Выглядит неплохо."

Он первым взял кусочек и протянул его Мин Чжэню: "Попробуй? Похоже, аромат более насыщенный, чем в прошлый раз."

Мин Чжэнь естественно принял угощение, их пальцы на мгновение соприкоснулись, он кивнул: "Цветы сливы в сахаре маринованы дольше, хорошо получилось."

Увидев, как оба вели себя естественно и переключились на тему закусок, любопытство Фу Вана постепенно улеглось.

Может быть, он действительно ослышался? Или старший брат смотрел особенно трогательную пьесу и слишком вжился в роль?

Он тоже взял кусочек закуски и, отправив в рот, невнятно произнес: "Да? Я же говорил, что вкусно... Кстати, старший брат, ты упомянул 'восьминосилочный паланкин', какой паланкин? В столице кто-то собирается устраивать свадьбу? Почему я не слышал?"

(Ранее, стоя за дверью, он, кажется, смутно услышал эти четыре слова.)

Рука Ли Чжао с чашкой едва заметно замерла. Этот парень, как у него такие острые уши? Только то, что не следует слышать, и слышит.

Веки Мин Чжэня слегка опустились, он сосредоточенно смотрел на половину пирожного в руке, будто изучая расположение цветов сливы, уголки его губ приподнялись.

Ли Чжао тихо кашлянул и, сохраняя невозмутимость, продолжил врать: "А, в той пьесе вероломный муж обещал жениться на главной героине в восьминосилочном паланкине, а

потом нарушил обещание и женился на девушке из знатного рода. Разве это не игра с чувствами?"

"Что? Как подло!" - Фу Ван сразу увлекся другой темой, возмущенно воскликнув: "За это нужно ругать! Старший брат, как называется эта пьеса? Я тоже хочу ее найти и посмотреть!"

"...Забыл." - Ли Чжао сохранял невозмутимое выражение: "Случайно наткнулся в сборнике рассказов, не обратил внимания на название."

"Жаль." - Фу Ван не заподозрил подвоха и взял еще одну закуску, его внимание теперь полностью переключилось на еду: "Ммм, начинка из красной фасоли тоже хорошо приготовлена, сладкая, но не приторная..."

Ли Чжао тайком вздохнул с облегчением, бросив взгляд на Мин Чжэня, и увидел, что тот тоже смотрит на него, с легкой улыбкой в глазах, безмолвно говоря: "Неплохо придумано."

Ли Чжао ответил взглядом "это все из-за тебя" и тоже не смог сдержать улыбки.

Служанки начали подавать основные блюда, посуда тихо звенела, распространяя аппетитные ароматы.

<http://bllate.org/book/17167/1608810>